

И. В. Власова

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ XVIII — I ЧЕТВ. XX вв. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Переписи населения различных эпох являлись источниками для изучения многих проблем истории нашего государства. Наиболее ранние сведения такого характера содержатся в писцовых и переписных книгах конца XV—XVII вв. На основании их написано много работ дореволюционными и советскими авторами как в целом по России, так и по отдельным ее территориям¹. Для последующего времени эти сведения содержатся в ревизиях XVIII—I пол. XIX вв. и в переписях населения, проводившихся с конца XIX в. В нашей статье не дается общая характеристика таких источников, поскольку этот вопрос хорошо разработан в исторической литературе, а показывается возможность использования их в малоразработанной в нашей науке области — исторической географии. Одним из аспектов ее является вопрос сельского расселения. Возможность получения материалов по этой проблеме в ревизиях XVIII и переписях населения XIX—XX вв. рассматривается на примере одного из районов Европейского Севера СССР — в верховьях Сев. Двины с притоками Сухоной, Югом, низовьями Вычегды и в междуречье Двины и Волги. В XVIII в. эта территория составляла Устюжскую провинцию Архангело-городской губернии, с 1775 г. они разделились на Устюжский и Никольский уезды Вологодской губернии, а в I четверти XX в. на 12 районов Северо-Двинской губернии². Для краткости в дальнейшем эту территорию называем Верхнедвинский бассейн.

Сельское расселение в Верхнедвинском бассейне рассматривается с двух сторон: а) формирование населения, его размещение на территории; б) сложившиеся типы поселений, динамика сельского расселения. Материалы для эс-

¹ См. характеристику этих источников и использование их различными авторами у Г. Е. Коцина — Писцовые книги в буржуазной историографии — «Проблемы источниковедения», сб. 2, М.—Л., 1936, и др.

² Районы: Великоустюжский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Вожомский, Котласский, Ниуксенский, Опаринский, Подосиновский, Рослятинский, Усть-Алексеевский, Енангский, Лальский.

вещения этих вопросов дают источники: для XVIII в. — первые три ревизии, для середины XIX в. — издания Центрального Статистического Комитета в виде списков населенных мест, для конца XIX в. — Всероссийская перепись 1897 г. и для I четв. XX в. — Всесоюзная перепись 1926 г.

Хронологические рамки работы определяются не только наличием источников этого периода по данной территории. С XVIII в. северная деревня вступает в новый этап своего развития, которое оказывает влияние на сельское расселение. Уже со II пол. XVII в. идет процесс первоначального накопления, сопровождающийся созреванием в недрах феодального строя новых капиталистических элементов. Социально-экономическое развитие до этого времени еще приводило к притоку населения извне на Север. К XVIII в. его колонизация была завершена. Последующее развитие по-иному влияет на дальнейшее освоение края и размещение там населения.

Содержание источников обнаруживает суть этих процессов и позволяет рассмотреть их влияние на развитие сельского расселения после XVII в.

Характеристику использованных источников начнем с материалов ревизий. По Верхне-Двинскому бассейну сохранились 1, 2 и 3 ревизии. Они находятся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ЦГАДА) в фонде «Ландратские книги и ревизские сказки». I ревизии 1719 г. представлена 9 книгами³. Семь из них — это первичные сведения — сказки черносошных крестьян и половников. Остальные две книги 1720 и 1721 гг. — дополнения к первым. Из них мы получаем следующие сведения, необходимые для изучения вопросов сельского расселения. Это — названия населенных пунктов. По ним удается воспроизвести список населенных мест исследуемой территории, насчитывающий 1932 поселения. К сожалению, этот список получается неполным, т. к. описанием охвачены Южская и Сухонская трети Устюжского уезда (бассейны рек Юга и Сухоны) и не сохранились сведения по Двинской трети (в верховьях р. С. Двины).

Показано местонахождение большей части поселений. Они оказываются расположенными в речных бассейнах — по Сев. Двине, ее притокам, притокам Волги и полностью отсутствующими на водоразделах.

Самыми значительными сведениями, какие дает ревизия, являются данные о дворах и населении в них. I ревизия дала возможность подсчитать количество дворов и численность мужского населения по Южской, Сухонской и ча-

³ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, 4606-а, 4608, 4609, 4611, 4613, 4614, 4615, 5236.

стично Двинской трети Устюжского уезда — 2997^{1/2} дворов с населением 13 752 человек муж. пола. В некоторых «сказках» есть итоговые данные о количестве дворов и населения, приводимые переписчиками, но пользоваться ими без тщательной проверки нельзя, т. к. они содержат ошибки и пропуски.

Кроме количественной стороны вопроса (числа дворов и людей), I ревизия раскрывает внутренние взаимоотношения жителей каждого двора. Эти данные, в свою очередь, могут быть объектом специального исследования, т. к. позволяют определить состав и структуру крестьянских семей. Так, по свидетельству ревизских сказок, здесь существуют семьи, состоящие из нескольких поколений, связанных кровным родством или свойством. Среди них — семьи, состоящие из родителей, детей и внуков; из женатых братьев с детьми; из дядей и племянников; из кузенов с их семьями и просто из «родников». Много крестьянских дворов, в составе которых есть посторонние элементы. Это — складники, работники, подворники, половники. Средняя населенность крестьянского двора составила 8,2 чел. Надо учесть, что двор и семья в это время не одно и то же, т. к. во многих дворах, кроме семей, существует чужеродный элемент. Значит, число членов семей должно быть несколько ниже.

Не менее важны сведения ревизии о землевладении. По ним точно определяются границы и размеры государственного, монастырского и церковного землевладения в Верхнедвинском бассейне.

Преобладающим было государственное землевладение. Владения монастырей, пустынь и церквей сосредоточены главным образом в Двинской трети уезда на транспортных путях — в верховьях Двины и низовьях Сухоны и Юга. Они довольно компактны и редко выходят за пределы своей волости. Из общего числа поселений данной территории — 1932 им принадлежит 256 (13,2%).

Разнообразие форм землевладения привело к неоднородности состава сельского населения. Источники различают черносошных крестьян, беспашенных бобылей, нищих, работников, задворников и огромную массу крестьян-половников. Из них 5588 чел. (40,8%) принадлежит монастырям церквям, архиерейскому дому, купцам, мещанам и 1702 чел. (12,4%) некоторым черносошным крестьянам. Характеризуя хозяйственное положение этих категорий крестьянства, I ревизия вскрывает их имущественное расслоение.

В тесной связи с вопросом о формах землевладения находится вопрос о типах сельских поселений. Ревизские сказки 1719 г. точно определяют социально-экономическую разновидность каждого из них: деревни, села, погосты, сло-

боды, починки, выставки, пустыни, монастыри, мельницы, ямы, городки. Преобладающие деревни черносошных крестьян в нач. XVIII в. продолжали оставаться малодворными — в среднем по 2,1 двора на деревню с населением 17,4 чел. Менее многочисленные монастырские деревни притягивали к себе население и имели до 100 и больше жителей. Лишившись по тем или иным причинам земли, крестьяне нередко шли в половники или в работники к монастырям.

Ревизские сказки дают сведения не только об определенных типах поселений, но и свидетельствуют об изменениях и развитии их. Так, мы находим упоминания о древних исчезнувших пецищах, дворицах, селищах, характерных для начальной стадии существования крестьянской общины на Севере и представлявших поселения большесемейных коллективов⁴. Их сохраняют названия селений, тогда как они сами превратились в деревни: «деревня Вахромеево пецище при р. Кичуге», «деревня, что было Долматовское селище, а Большаково тож при р. Югу», «деревня Дворище, а Клементьевский двор тож при р. Городищенке»⁵. Другие типы поселений — починки, выставки — возникают вновь в связи с освоением новых земельных площадей.

Этот момент, в свою очередь, свидетельствует о миграциях сельского населения. По материалам I ревизии можно определить их характер в нач. XVIII в. Они связаны с особенностями землепользования края. Это — переселения в поисках новых подсек, где и возникают починки и выставки: «Из той же деревни выставка припашь на р. Юге их же общий двор» (Утмановская волость)⁶, «деревня Относный Двор из д. Заберезник» (Комарицкий стан)⁷, из той же деревни Алексеевской относные дворы (Шонгская волость)⁸; «прибылые деревни после переписи 186 (1679 г.) — починок Осиново, починок выставка из д. Конево»⁹ и т. д. О других видах миграций крестьян ревизские сказки 1719 г. по Верхнедвинскому бассейну никаких сведений не дают.

Очень важным вопросом в изучении истории населения является выяснение его этнических связей. Иногда такой материал встречается в ревизских сказках. «Сказки» по Верхнедвинскому бассейну 1719 г. не определяют население

⁴ А. Я. Ефименко. Исследование народной жизни, в. 1, М., 1884; М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963. М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

⁵ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, лл. 423, 430, 435; № 4606-а, л. 264 об.
⁶ Там же, № 4606, л. 336.

⁷ Там же, № 4611, л. 44.

⁸ Там же, № 4606, л. 227 об.

⁹ Там же, л. 456 об., 457 об.

с этой точки зрения. И все же кое-какие показания мы в них находим. Опять приходят на помощь названия поселений: «деревня Чюцкое старое пецище Скочковское», «деревня, что была пустошь Чюцкое дварище, а Слудка тож при Югу»¹⁰. Это следы древней летописной чуди, населявшей Подвинье до славянской колонизации Севера. А в следующих названиях отголоски более позднего времни: «деревня Ноугородова, а Мокиево тож», «деревня Белозеровица при р. Сухоне», «починок Пермас на Югу», «починок Пермяцкий»¹¹. Здесь отражение прихода на Двину новгородцев и белозерского населения (ибо на этой территории нет другого Белоозера) и свидетельства о пермяцком населении в крае.

А такие названия, как «деревня Красная Гора, а Чухаревщина тож при р. Маялге», «деревня Новинка Защепинская и Вяткинская тож», «деревня, что было займище и Волжино рамене на Вохомском кряжу»¹² свидетельствуют о приходе сюда населения с другими этническими связями — это чухари, чухлома (население в Костромской губернии), вятчане и пришельцы с Волги. Есть еще интересные данные о проникновении в Верхнедвинский бассейн такой этнической группы, как «кокшары» — своеобразного населения с р. Кокшеньги, притока Ваги: «деревня, что был починок Кокшарка» (Ляменгские починки)¹³.

Таким образом, из I ревизии удается получить довольно обширный круг сведений относительно верхнедвинского населения. К XVIII в. здесь были заселены все речные побережья. В Сухонском бассейне сосредоточиваются довольно редкие, но крупные поселения (до 100—200 чел.), что связано с выполнением ими транзитных функций, ибо здесь издавна шел путь, по которому проникало население на Сев. Двину. В бассейне р. Юг сложилось несколько иное расселение. Там к нач. XVIII в. население сосредоточилось в малодворных деревнях, но более густо и равномерно заселило побережья рек. Это был район чернососного земледелия, рано получивший товарный характер, благодаря исключительным условиям для ведения хозяйства¹⁴. На верхней Двине сосредоточилось значительное монастырское и церковное землевладение с более населенными деревнями, нежели деревни чернососных крестьян.

Переходим к описанию материалов II ревизии. Она проводилась в Устюжском уезде в 1747 г. По ней имеются две

¹⁰ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4606, лл. 478 об., 480.

¹¹ Там же, лл. 102, 179, 283 об., № 4606-а, л. 221, № 4611, л. 35 об.

¹² Там же, № 4606, лл. 316, 513; № 4611, л. 221.

¹³ Там же, ф. 350/3, № 4606, л. 451 об.

¹⁴ А. Ц. Мерzon, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960, стр. 185—189.

книги¹⁵. Первая содержит сказки черносошных крестьян только Южской трети, вторая составлена в виде ведомости — итоговых данных о беглых крестьянах и половниках по всему уезду. Из этой ведомости можно составить представление о территории Устюжского уезда к сер. XVIII в. Вопросы же заселения территории, размещения на ней населения можно разобрать по первой книге на примере Южской трети.

Из материалов II ревизии мы располагаем следующими сведениями о Верхнедвинском бассейне. Список населенных мест можно составить полностью только по Южской трети, в Сухонской и Двинской третям только тех деревень, где указаны беглые крестьяне. По отмеченному ревизией местонахождению поселений видно заселение верховьев Сев. Двины, верховьев Лузы, бассейна р. Юг с притоками и волжских рек — Вохмы, Вочи, Волманги. О заселении водоразделов ревизия не упоминает. Подсчет дворов и мужского населения можно провести также на данных Южской трети. Женское население этой ревизией не учтено. К 1747 г. там отмечено 25 256 чел. муж. пола. Подробно описывается семейный состав и отмечается проникновение неродственного элемента в крестьянский двор. Среднее число людей на 1 двор несколько меньше, чем в нач. XVIII в. — 7,2. По этой ревизии также четко прослеживается государственное, монастырское, церковное землевладение, владения посадских людей и черносошных крестьян. Последнее особенно важно, т. к. отражено неравенство в положении крестьянства. Отдельным слоям его принадлежит значительное число лишенных средств существования половников. В ревизских сказках сохраняется упоминание о древнем боярщинном землевладении.

Несколько подробнее сведения о миграциях населения по сравнению с данными I ревизии: бегство крестьян и половников из своих деревень, рекрутские наборы, переход на новые земли в связи с куплей или продажей наделов, проникновение в верховья Сев. Двины населения из соседних уездов: в Шабурские починки из Усольского и Тотемского, в Вохомскую волость из Вятского и Хлыновского¹⁶.

Сведения об этнических группах Верхнедвинского бассейна в материалах II ревизии аналогичны сведениям I ревизии. Но в отличие от последних, они несколько расширяют состав переселенцев. II ревизия упоминает еще пришельцев с юга — из бывшей Ростово-Сузdalской земли — «деревня, что был починок Подольской, а Сузdalцово тож»¹⁷

¹⁵ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4605, 5234.

¹⁶ Там же, ф. 350/3, № 4605, лл. 409, 419 об., 670 об., 728 об.

¹⁷ Там же, л. 1018.

и с Волги — «деревня Иволжино раменье», «деревня Башкириха»¹⁸.

В результате анализа данных этой ревизии, становится ясно, что по-прежнему население сосредоточено на речных побережьях, а водоразделы остаются неосвоенными. Несколько изменяются поселения, они увеличиваются. Теперь среднее число дворов в деревне достигает 4,5 с населением 33,6 чел. на 1 деревню. Это касается как чернососных деревень в бассейне р. Юг, так и монастырских в верховьях Двины и Лузы. В волжских притоках — Воче и Вохме преобладают мелкие деревни до 20 чел., явившиеся результатом сравнительно недавнего заселения.

Картину размещения населения во II пол. XVIII в. позволяют выяснить материалы III ревизии. Она проводилась в Устюжском уезде в 1762—1764 гг. По ней сохранилось 11 книг¹⁹. Они однотипны и представляют собой «сказки» — первичные сведения крестьян и половников по всем третям уезда. Впервые получаем сведения по Двинской трети (I и II ревизии описывали там только монастырские и церковные владения). Подробнее дана и Сухонская треть: показано заселение не только р. Сухоны, но и ее притоков — рр. Городишины и Бобровой.

Поселения локализуются этой ревизией в основном по берегам рек, но есть свидетельства о начавшемся заселении водораздела Волги и Двины в районе Вохомской волости.

Недостатком материалов III ревизии является отсутствие сведений о крестьянских дворах, поэтому нельзя представить ясной картины о составе и структуре крестьянских семей. Но III ревизия учитывает женщин, что позволяет определить более точно общую численность населения. Она достигла к 1764 г. 49 780 чел.

Об этническом составе населения Устюжского уезда материалы III ревизии ничего нового не дают.

Очень ценные данные этой ревизии о землевладении монастырей и церквей, т. к. в 1764 г. произошла секуляризация церковного и монастырского имущества. Ревизия показывает, в каких размерах существовало их землевладение накануне этого события. Из 1600 деревень с населением 49 780 чел. монастырям принадлежало 194 деревни (12,12%) с 5259 чел. (10,57%), церквам 129 деревень (8,06%) с 2697 чел. (5,41%). Это сравнительно небольшие цифры, что становится понятным, если учесть принятые еще в XVII в. правительственные меры по сокращению владений церквей и монастырей²⁰.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4605, лл. 747 об., 820.

¹⁹ Там же, ф. 350/3, № 4619—4625, 4627—4629, 5233.

²⁰ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. т. I, М., 1906, стр. 59.

О миграциях населения в Верхнедвинском бассейне III ревизия сообщает новые сведения. Это начало заселения водоразделов, возникновение починков и выселков на давно освоенных территориях, переселения крестьян в связи с покупкой земли, передвижения за пределы уезда (особенно подробно — бегство в сибирские города и обратное возвращение оттуда, уход по паспортам). Анализируя эти материалы, становятся понятны такие передвижения крестьян во II пол. XVIII в. Развивающийся процесс первоначального накопления сопровождался усилением гнета со стороны феодального государства. Именно в это время происходит окончательное лишение крестьян права свободного распоряжения землей, являющейся государственной собственностью²¹. Крестьянство, в свою очередь, стремилось освободиться от этого нажима путем различного рода переселения. Показывая имущественное положение различных слоев сельского населения, принуждавшее в ряде случаев к таким переселениям, источники обнаруживают суть этих процессов.

Заселение территории уезда в то время по сравнению с нач. XVIII в. идет по линии укрупнения старых поселений, средняя населенность которых достигает 31,1 чел., или выселения в починки и выставки. Миграционное движение приводит к началу освоения новых земельных площадей на водоразделе двинских и волжских притоков.

Подобные материалы по остальным ревизиям Верхнедвинского бассейна не сохранились. Встречающиеся некоторые их итоговые данные могут служить лишь дополнительным источником для освещения динамики сельского расселения в кон. XVIII — I пол. XIX вв. и в какой-то мере восполнить отсутствие первичных сведений последующих ревизий.

Гораздо ближе к действительности были данные Центрального Статистического Комитета. Они появились после прекращения перед реформой 1861 г. ревизий и издавались в виде «Списков населенных мест». В последних нашли отражение сведения 10 ревизии 1857 г. с добавлением полицейских данных о податном населении. Такие «Списки населенных мест» по исследуемой территории были опубликованы в 1866 г. и сообщали сведения на 1859 г.²². Хотя данные ЦСК, как и ревизии, основывались на приписке, т. е. не учитывали временного местопребывания населения, а поэтому давали несколько искаженную картину (в губерниях, где было развито отходничество, действительного на-

²¹ С. Щепетов. Законодательство и старинные формы землевладения на Севере. «Сов. Вестник», СПб., 1886, № 2, стр. 89.

²² Списки населенных мест, издаваемые ЦСК МВД, т. 7, Вологодская губерния, СПб., 1866.

селения оказалось меньше, а в губерниях, куда оно было направлено, населения оказалось больше)²³, все же его данные были более точны и полны, т. к. они не содержали пропусков в территориальном отношении, какие характерны для ревизских сказок.

Этот источник, в отличие от ревизий, не был использован для изучения исторических проблем и не подвергся тем обработкам, какие испытывали на себе материалы ревизий. Характеристика его не получила должного освещения в исторической литературе. Необходимость разработки его данных высказана в работе С. А. Ковалева²⁴, указавшего использование этого интересного источника в числе других материалов при географическом изучении сельского расселения.

Для рассмотрения вопросов заселения Верхнедвинского бассейна он дает материал, сопоставимый с данными ревизий: это — список населенных мест, точная локализация каждого из них, социально-экономическая разновидность поселений, количество дворов, число мужского и женского населения, сведения о характере владения, а итоговые данные добавляют материал о национальном составе населения. Недостатком этого источника по сравнению с предшествующими переписями является отсутствие волостного деления. Указаны только уезды и станы. Описание внутри их идет по рекам и трактам. Это несколько затрудняет сопоставимость материалов по отдельным волостям. Еще одно отличие «Списков населенных мест» от ревизий: в первых не перечисляются все жители, а даются обобщенные сведения на каждое поселение, поэтому нет возможности рассмотреть семейный состав дворов. По такому признаку «Списки населенных мест» приближаются к проводимым позже переписям населения.

Показания этого источника имеют важное значение, поскольку отражают состояние северной деревни накануне реформы 1861 г., к моменту, когда капитализм в ней начинает вступать в свои права.

Особенно важны сведения о категориях крестьянства. Они свидетельствуют о пополнении сословия государственных крестьян за счет так наз. «экономических», принадлежавших монастырям и церквам. Последние с момента сокращения церковного и монастырского землевладения все чаще стали переходить в государственных крестьян, а иногда и в свободных хлебопашцев, выкупивших свой на-

²³ П. П. Семенов. Характерные выводы из первой всеобщей переписи. СПб., 1897, стр. 9.

²⁴ С. А. Ковалев. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960, стр. 209.

дел²⁵. Все крестьянское население Верхнедвинского бассейна в I пол. XIX в., состоящего теперь из Устюжского и Никольского уездов, насчитывало 198 831 чел. Такая большая цифра по сравнению с предшествующей переписью получается, главным образом, за счет более полного охвата территории источником 1859 г. Вместо известных прежде 1600 селений он насчитывает 3398, различия среди них поселения с разными категориями крестьянства: 3046 селений государственных и экономических крестьян, 193 владельческих селений (возможно, помещичьих), 5 деревень принадлежит совместно казне и владельцам, 16 — удельным крестьянам и 137 — разным ведомствам. Хотя по-прежнему население занимало речные бассейны, стало заметнее его продвижение на водоразделы между волжскими реками Вочей, Пышугом, Юзой, Кемой и двинским притоком Югом. Поселения заметно укрупнились и насчитывали теперь в среднем по 8,1 двора в деревне с населением до 58,8 чел. на 1 деревню. Самыми крупными оказываются деревни в старом земледельческом районе — Южском бассейне (до 100 чел. и больше), деревни же по Сухоне и Двине более мелки, что могло быть связано с меньшим развитием земледелия в хозяйстве крестьян и с сильным распространением отхожих промыслов.

После реформы 1861 г. наступает важный момент в истории северной деревни. Получение государственными крестьянами прав на выкуп наделов и приобретения земель у казны и частных лиц открыло путь для капиталистического развития в деревне. Оно способствовало концентрации земель у верхушки крестьянства и лишению ее в ряде случаев другой частью его.

Сведения о размещении населения в это время дала Всеобщая перепись 1897 г. По сравнению с предшествующими ей ревизиями и данными административно-полицейского учета, она отличалась правильной постановкой переписного дела, т. к. была проведена в один день и в единой форме по всей России. Впервые в практике учета населения, таким образом, были получены точные сведения о его численности, составе и действительном размещении.

Первичные материалы этой переписи²⁶ представляют собой бланки, заполненные приходскими священниками или волостными старшинами на каждое поселение. Для изучения вопросов сельского расселения они дают следующие сведения: количество мужского и женского населения, чис-

²⁵ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946, стр. 38, 39.

²⁶ ЦГИА (Центральный Гос. Исторический Архив, Ленинград), ф. 1290/1, № 345, 346, 365.

ло дворов, характер землевладения, тип поселения, в большинстве случаев с подробным указанием на его расположение и наличие школ, кузниц, мельниц, лавок, церквей, фабрик, мастерских. Кроме того, они содержат большой материал о переселениях — освоении территории уездов, возникновении новых поселений (починков и выселков). Такие сведения вполне сопоставимы с данными учета населения в предшествующее время и дают следующую картину сельского расселения в верхнедвинских уездах в конце XIX в. Повсеместно укрупняются крестьянские поселения. Среднее число дворов в деревне достигает теперь 11,1, а населения 73,7 чел. Это могло быть объяснимо не только ростом населения, но и семейными разделами. Последнее ясно из подсчета населенности двора, в среднем 6,4 чел. на 1 двор, тогда как в дореформенное время оно было еще 7,1 чел. на двор.

Общее число деревень также увеличилось по сравнению с дореформенным временем. Их стало 4704 с населением 346 896 чел.

Это увеличение происходит в результате образования новых починков и выселков (более 1000) как в местах старого заселения, так и на вновь осваиваемых водоразделах. К последним добавляется еще водораздел ветлужского притока Моломы и двинских Юга и Пушмы. Сильный рост вновь возникающих поселений объясним новыми перемещениями крестьян, получивших в пореформенное время право свободного приобретения земель. Перепись 1897 г. как раз и вскрывает отличительные особенности миграций крестьян, обусловленных капиталистическим развитием деревни.

В начале XX в. происходят некоторые изменения в аграрном строе деревни. Они были вызваны проведением с 1906 г. Столыпинской реформы, принесшей конец существованию крестьянского общинного землевладения, поскольку она способствовала развитию буржуазной собственности на землю и тем самым углубляла расслоение крестьян. В это время получает распространение новый вид сельского расселения — хуторской, сопровождавшийся новыми перемещениями крестьян. На Европейском Севере он развивался вплоть до начала I мировой войны и революции. В ряде мест, к числу которых относится и Верхнедвичский бассейн, вошедший теперь в состав Северо-Двинской губернии, происходят приселения крестьян на оставшиеся еще не разработанными земли из других районов России.

Значительного притока населения на Север не было уже со времени окончания его колонизации еще до XVIII в. Насаждение хуторов привело к новым приселениям извне, увеличившем численность местного населения и в какой-то степени менявшем его национальный состав.

Много хуторских хозяйств эстонцев, латышей, литовцев и белорусов возникло тогда в Опаринском и Вохомском районах Северо-Двинской губ.²⁷. Они оставались там и в послереволюционное время, когда советская власть начала проводить новое землеустройство и, видимо, существовали в конце 20-х годов, ибо проводимая в 1926 г. перепись фиксирует на этой территории в хуторах более 3000 чел. белорусов и прибалтов²⁸.

Материалы I Всесоюзной переписи 1926 г. являются ценным источником, поскольку отражают явления в жизни деревни, происходившие в I четверти XX в.

Первичные данные этой переписи представляют собой бланки, содержащие очень лаконичные сведения о населенных пунктах: их разновидность, количество дворов и населения, его национальный состав. Последнее очень существенно, ибо впервые перепись дает точный национальный состав жителей каждого населенного пункта.

В этих кратких сведениях переписи и кроется суть многих социальных моментов, характерных для северной деревни 20-х гг. Так, сообщая данные о дворах в районах Северо-Двинской губернии, она различает крестьянские и некрестьянские дворы. Скорее всего, по этим разумеется неоднородность состава сельского населения, что понятно при углублявшемся процессе его расслоения²⁹ и необходимости части крестьян заниматься не только земледелием, но и работой в кустарных мастерских и фабриках. Свидетельствуют данные этой переписи и о продолжении расселения на хуторах. Их насчитывалось к 1926 г. 1837 (из общего числа поселений — 6448). К старым, сохранившимся со столыпинского времени хуторам, могли к этому времени привиться новые в связи с предпринятой в 20-х гг. колонизацией незанятых земель на Севере³⁰. Так перепись 1926 г. отражает миграционное движение крестьян.

Население верхнедвинских районов со временем переписи 1897 г. продолжало расти. Его не остановила 1 мировая война, революция и годы гражданской войны. К 1926 г. оно насчитывало 480 102 чел. Распределялось оно в поселениях следующим образом. Число последних выросло до 6964. Они очень густо располагались по берегам рек, но увеличилась

²⁷ Возможность таких переселений обсуждалась в Министерстве госимущества еще в 1902 г., и, видимо, была осуществлена в столыпинское время. См. А. А. Каuffman. Материалы и соображения по вопросу о колонизации свободных земель северо-восточных губерний. СПб., 1902, стр. 328.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 135/3, №№ 189—191, 196, 198—200.

²⁹ История земельных отношений и землеустройства. М., 1956, стр. 151.

³⁰ Н. Овчинников. Работа северных колонизационных экспедиций. Сб. «О земле», в. 3, 1922.

к этому времени и заселенность водоразделов волжских и двинских притоков. На деревню в среднем приходилось теперь 14,4 двора и 69,5 чел. населения. По сравнению с концом XIX в. деревни стали более многодворны, хотя средняя населенность их не прибавилась. Сами дворы стали менее населенными — в среднем по 4,8 чел. на двор (в 1897 г. — по 6,4 чел.), следовательно еще более участились семейные разделя.

Все эти сведения, полученные из материалов переписи 1926 г., также могут быть сопоставимы с предшествующими данными учета населения.

Таким образом, в переписях XVIII—I четв. XX вв. мы находим источники, которые позволяют проследить историю сельских поселений за длительное время — с начала зарождения капиталистического уклада, его становления и существования вплоть до момента уничтожения Октябрьской революцией, когда там стали созревать условия для нового, социалистического переустройства деревни. Особая ценность этих источников заключается в том, что они дают не выборочный, а сплошной материал по тем или иным территориям, сопоставимый на протяжении длительного времени. Динамика населения в его количественном и сословном отношении, изменения в его размещении прослеживаются в результате таких сопоставлений.

Применение этих источников для изучения сельского расселения несколько отличается от использования их в других исторических исследованиях. Последние, главным образом, основывались на статистической обработке материалов переписей. Для разрешения данных проблем они дают возможность сочетания статистического метода с картографическим: показания переписей после соответствующей обработки могут быть нанесены на карты. В исторической географии картографирование материалов не ново. Оно осуществлялось, хотя и по разной методике, в ряде исследований³¹.

Материалы использованных источников были нанесены на 6 карт, соответствующих проводимым в течение XVIII—XX вв. переписям. Здесь нет возможности останавливаться на описании этих карт. Основные наблюдения, полученные при анализе их показаний, сводятся к следующему:

³¹ А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятна по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере XVII в., тт. 1—2, М., 1906, 1912; А. И. Конанев. История землевладения Белорусского края. XV—XVI вв. М.—Л., 1951; М. В. Витов, ук. раб. и др.

1. Значительные приливы населения в Верхнедвинский бассейн закончились еще до XVIII в. Были освоены колонизационные пути — бассейны Сев. Двины и волжских притоков. В последующее время происходят изменения в размещении населения, т. к., кроме дальнейшего освоения речных бассейнов, заселяются водоразделы. В результате здесь сложились два типа заселения: преобладающий прибрежно-речной и редкий в условиях Севера водораздельный. Определенную роль в их сложении, наряду с разнообразием природных условий, сыграли миграции сельского населения, обусловленные социально-экономическим развитием края. Локальные особенности в размещении населения (степень освоенности и населенности территории) зависят от издавна сложившейся хозяйственной направленности отдельных районов.

2. Социально-экономические моменты определили распространение характерных для этой территории типов поселения. В их развитии можно отметить последовательность, связанную как с постепенным освоением территории края, так и со сменой форм землевладения и землепользования. Во все периоды преобладающим типом поселения является деревня, менее распространенными — села и починки. И те и другие изменяются в процессе своего развития (например, переход монастырских и других владельческих деревень, сел и починков в государственные). Отмирающими видами селений становятся городища, ямы, погосты, вновь появляющимися — хутора.

3. С XVIII в. колонизация данного района идет не за счет расширения территории, а направляется в глубь ее. В результате к концу исследуемого периода происходит увеличение освоенной населением площади в хозяйственных целях, несмотря на некоторое сужение территории при административных изменениях в течение XVIII — I четв. XX вв. К этому же времени наблюдается увеличение общей численности населения, т. к. его, хотя и невысокий, естественный прирост и некоторый приток извне покрывал случавшийся временами отлив населения.